

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

САМОБЫТНЫЙ ТАЛАНТ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ПЫРЬЕВА

Он пришел в кинематограф в первом эшелоне. Еще не взвился над «Броненосцем «Потемкин» раскрашенный от руки красный флаг, не пронесся на экране в развевающейся бурке легендарный Чапаев, не появился молодой Максим с петроградской окранны, еще не упал на землю от кулацкой пули в тихую лунную ночь танцующий Василь... Но все они уже зрели в мечтах, в смелых замыслах молодых людей, пришедших в кино разными путями и угадавших в нем великое предназначение.

Иван Пырьев был среди них. Дорога его лежала от сибирского села, что раскинулось на широкой Оби, прошла через сиротство, услужение у чужих людей, бегство на фронт в первую мировую, откуда вернулся с ранением и двумя георгиевскими крестами. Искал он место в жизни, где кипят горячие схватки. В солдатской шинели с рюкзаком за плечами пришел в театр.

Учителями его были пролеткультовцы, ломавшие с отчаянной непримиримостью «старые театральные формы», некоторое время — В. Мейерхольд. Актерство Пырьева ограничилось большей частью клоунадой, которая занимала тогда не последнее место в театре. Даже в «Лесе», где исполнял роль Буланова, выходил он в зеленом парике. Вскоре Пырьев взбунтовался против того, что впоследствии сердито называл «формотворчеством».

На кинофабрику Пырьев пришел по собственной инициативе и вызвался выполнять любую работу хотя бы бесплатно, пока докажет на что способен. За короткий срок Пырьев стал незаменимым помощником режиссеров, потом ассистентов, даже заслужил звание «короля ассистентов».

Парадоксально, что в первых самостоятельных работах Пырьев отталкивался от своего театрального опыта, с которым так решительно порвал. Снимая сатирическую комедию «Государственный чиновник», он словно последний раз испытывал себя на прочность. Он стоял на развилке двух дорог: одна вела к формалистическим исканиям, бывшим тогда в моде, другая — к реалистическому кинематографу, на позициях которого прочно стояли его новые учителя — Ю. Тарич, А. Роом, Е. Иванов-Барков. Неудача «Государственного чиновника» была последним режиссурным «детской болезнью». Началось собственное освоение мира, поиски своей темы, своего голоса. Позже, адресуясь к молодым, он будет безудержно повторять: «Смелый пускайтесь в самое что ни есть опасное плавание. Боязь — смерть для искусства». И сам он исповедовал эту веру и в жизни, и в творчестве. На этом пути Пырьев выигрывал битвы и терпел поражения. Неудачи оценивал довольно трезво, тяжело их переживал, но не мог слышать о них со стороны — такой уж был характер!

Умение художника чутко прислушиваться к велению времени помогло ему в создании через короткие промежутки времени двух фильмов: «Конвейер смерти» — о фашизме в Германии и «Партийный билет», затронувший острую общественную тему. Эти фильмы не были свободны от недостатков, заложенных еще в литературном материале, но они имели определенный успех — и творческий, и зрительский. Они сразу поставили Пырьева в ряд видных мастеров кино.

Творческий взрыв произошел позже. Пырьев нашел себя в комедии. И не просто в комедии — они небезуспешно ставились до него советскими режиссерами, — а в открытии нового жанра: народной, музыкальной, лирической комедии. Об этом можно сказать со всей определенностью, назвав «Богатую невесту», «Трактористов», «Свинарку и пастуха», позже поставленные «Кубанские казаки». На экране Пырьева появились люди из народа со своими светлыми думами, горячей любовью к Родине, прекрасные и в радостях, и в горестях своих. Музыка и песни подхватили жизнеутверждающую струю этих фильмов, придали им поэтическую окраску. Сердца зрителей открылись комедиям Пырьева, и в этом была и до сих пор есть его великая заслуга. Да, заслуга вопреки немалому числу скептиков и эстетов, ко-

торые пытались отрешить эти фильмы от искусства. Но Пырьев хорошо знал цену подобным критикам. Он отплачивал им сторичей, защищая тогда и позже принципиальные позиции советского киноискусства от фильмов, откровенно нацеленные на западные кинофестивали, рассчитанные на определенную часть аудитории домов кино. Он сражался с ними все годы всей силой своего полемического задора.

Есть на свете Великий Судья, имя ему — Время. Прошли десятки лет с тех пор, как вышли на экран комедии Пырьева. А зритель не изменил к ним своих привязанностей, и сейчас их смотрят с наслаждением все новые и новые поколения. Жизнь утвердила этот жанр и признала его первооткрывателя.

Беспокойный художник, вечно занятый поисками своего героя, жизненных конфликтов, волнующих событий, Пырьев обращается к самым различным формам и жанрам киноповествования. В суровые годы Великой Отечественной войны его гневный голос призывал к смертельной борьбе с немецким фашизмом в одной из лучших картин военных лет

«Секретарь райкома». Оптимизм, глубокая вера в победу над врагом прозвучали в веселом, лирическом фильме «В шесть часов вечера после войны». Задолго до наших дней, когда внимание многих мастеров литературы и искусства привлеч великий сибирский край, Пырьев воспел его в эпическом музыкальном фильме «Сказание о земле Сибирской». Пырьев увлеченно работал и над документальным фильмом, посвященным самой важной проблеме человечества, — «Мы за мир». Не раз он обращается к драматическим повествованиям о наших современниках. На этом трудном пути были успехи, полусуспехи, были и неудачи. Но они его не сломили. Каждый раз он снова бросался в бой.

В откровенных беседах Пырьев все чаще мечтал поставить «такое», где раскрылись бы неповторимые человеческие характеры, где высокого накала достигали страсти, а актерам помогал живой и умный диалог. На столе его лежали подчеркнутые и перечеркнутые страницы из Гоголя, Толстого, Достоевского. Лежали и готовые сценарии, написанные еще 40 лет, 20 и 10 лет тому назад. Последним был «Идиот». Пырьев говорил, что Достоевский подчинил его своей творческой власти. Однажды пришел и отрезал, словно сбросив с плеч тяжелый груз, — «Решено. Ставлю «Идиота». Начались мучительные поиски актеров. И надо отдать должное мужеству режиссера, довершего заглавные роли в «Идиоте» Ю. Яковлеву и Ю. Борисовой, никогда не стоявшим перед кинокамерой.

Нельзя пройти мимо одной из главных черт Пырьева как режиссера. Он тонко понимал значение актера в фильме, он любил актеров с пристрастием, нежностью, находил для них самые добрые слова — «миленький», «дружочек», строго спрашивал со своих помощников за малейшее к ним невниманье. Велика заслуга Пырьева в открытии для кино многих новых актерских имен — Б. Андреева, М. Ладьиной, А. Войчик, В. Васильевой, Ю. Яковлева, Ю. Борисовой... и еще скольких! Себя он также причислял к племени «лицедеев». На съемочной площадке, вводя актера в роль, он умел высечь в нем искру такой силы, что она достигала самой высокой точки накала. И себя не жалел. М. Ульянов, вспоминающая о работе над фильмом «Братья Карамазовы», говорит: «Он был неистов и до предела яроsten в достижение той цели, которую ставил перед актером, перед собой, перед картиной».

В фильмах, созданных Пырьевым по Достоевскому, можно найти режиссерские

орехи. Ведь перед ним стояла сложнейшая задача: многоплановые романы ограничить узкими рамками киноповествования, в чем сама по себе уже таилась большая опасность. Но Достоевский получился. Перед миллионами и миллионами зрителей с огромной выразительной силой обнажился мир, населенный добром и злом, достоинством и низостью, раскрылось социальное уродство этого мира. Пырьев сумел показать главное в творчестве великого романиста — его высокий гуманизм.

Работа Пырьева над произведениями Достоевского явилась достойным завершением художнического подвига режиссера. Он спешил, работая над «Братьями Карамазовыми». Спешил, пренебрегая сердечной болью, словно предчувствовал недоброе. Так и случилось. Сердце, переполненное тревожными мыслями, остановилось ночью между двумя съемками...

Но я позволю себе вернуться назад. Пырьев отдал всего себя, без остатка не только любимому творчеству — созданию фильмов, его так же любимым было творчество — не нахожу другого слова — в государственных и общественных делах, которыми он занимался увлеченно, неистово, проявляя и здесь свой неумный характер.

Пырьева хорошо помнят на киностудии «Мосфильм», особенно период его директорства. Помнят осветители и постановщики, гримеры и монтажеры, вспоминают добрым словом за его уважительное отношение к рабочему человеку. Известно, что он мог быть резким, порой несправедливым, хотя потом глубоко переживал нанесенную обиду и пытался загладить свою вину. Врагов он наживал множество, но имел и преданных друзей. Никто не воспринимал его равнодушно. Прошли годы, но одно можно услышать — как не хватает нам Ивана Пырьева! Да, не хватает его — человека действия, смелого, решительного, искреннего в своих привязанностях и заблуждениях.

Пырьеву — директору «Мосфильма» — многим обязано целое поколение кинематографистов. Он умел угадывать, где лежит талант, где прячется посредственность. Пырьев вывел «на большую дорогу» искусства Г. Чухрая и Ю. Озерова, И. Таланкина и М. Швейцера, Г. Данелию и Ш. Аббасова, Э. Рязанова, В. Ордынского, В. Басова и многих других. Одних определил на режиссерские курсы, созданные по его инициативе (ныне Высшие курсы сценаристов и режиссеров), другим помогал при создании фильмов, следя за ними придирчиво, вмешиваясь по ходу съемок, настаивая на замене актеров, пересъемках, которые при неудаче грозили большими неприятностями. Пырьев принимал удар на себя. Но картины состоялись, и сейчас этими первыми своими работами гордятся видные советские режиссеры.

Многие душевных сил Пырьев отдал своему детищу — творческому Союзу кинематографистов. Он был одним из главных его организаторов, более 10 лет возглавлял сначала оргкомитет, а затем правление союза. На плечи его легли заботы о больших кинематографических делах. Никогда не появлялся он в союзе без новых идей, замыслов, писал письма, записки, напоминания — они приходили с охапкой даже из далеких заокеанских стран, куда он заезжал на короткий срок. Записки были подчеркнуты вежливые, и это лишь оттеняло настоятельность его просьбы.

Обычно сдержанными словами начинались и его выступления с трибуны. Но каждый слушатель ждал того момента, когда приглушенный голос неожиданно переходил на короткие, как выстрелы, фразы и гремел в аудитории со страшной силой. Пырьев не шадил в спорах ни себя, ни своих оппонентов. Всегда ли он был прав? Не всегда. Но он был тем «возмутителем спокойствия», который помогал в спорах находить истину. Если не сразу, то через годы. Может быть, это и есть самое ценное в искусстве!

Таким был Иван Пырьев — художник большого самобытного таланта, человек высоких гражданских чувств, оставивший яркий след в советском кинематографе.

Г. МАРЬЯМОВ.